

*Саввел Светланович Сатахин,
Россия, Москва, Российская
Государственная библиотека,
старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук*

Михаил Булгаков в вихрях Гражданской войны

Гражданская война в России XX века, современником которой был писатель Михаил Булгаков, участвовавший в ней в качестве военного врача, эта страница российской истории нашла художественное отражение в первых его автобиографических произведениях.

Среди них рассказы «Необыкновенные приключения доктора», «Красная корона», «В ночь на 3-е число», «Я убил». В известном романе «Белая гвардия» и пьесе по этому роману «Дни Турбиных» показана картина происходивших событий на Украине, когда одна власть сменяла другую, а пьеса «Бег» завершает тему Гражданской войны в творчестве писателя, которому сегодня исполнилось 125 лет со дня рождения.

В начале Гражданской войны доктор Булгаков находился в Киеве с начала марта 1918 г. до конца августа 1919 г. (старый стиль), когда Добровольческая армия Деникина заняла Киев. В это время практикующего врача Булгакова мобилизовывали петлюровцы, белогвардейцы.

О мобилизации врачей в Киеве сменяющейся властью оставил свидетельства киевский врач А.И. Ермоленко в своем дневнике, записи из которого приводит М.О. Чудакова в «Жизнеописании Михаила Булгакова».

Очевидец событий в Киеве врач А.И. Ермоленко записывает в своем дневнике: «15 декабря. Петлюра вчера вечером вошел в город. Гетман еще утром зрится влады». Сегодня днем в разных частях города трещат пулеметы, но в общем мало. Раненных почти нет. Директория в Киев еще не приехала»¹.

Месяц спустя автор дневника сообщает: «20 января. Сегодня я призывался. С 18 числа началась мобилизация врачей. Нельзя сказать, что в санитарном управлении был образцовый или хотя бы простой порядок, но все же дела идут в Директории энергично. Почти все врачи просят «на комиссию» – никто не хочет идти в войсковые части»².

Вместе с другими в конце января 1919 года петлюровцами был мобилизован и практикующий врач с Андреевского спуска, 13. Об этом Булгаков поведал в рассказе «Необыкновенные приключения доктора». «Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту. Ночью 15го ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все побежали в город... Конные. Пешие. И пушки ехали, и кух-

ни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать»³.

И в начале февраля врачу Булгакову удалось убежать от отступающих петлюровцев перед приходом большевиков. Авторизованное описание этого побега нашло отражение в рассказе «В ночь на 3-е число»: «У белой церкви с колоннами доктор Бакалейников вдруг отделился от черной ленты и, не чувствуя сердца, на странных негнущихся ногах пошел в сторону, прямо на церковь... Стый! Сты-ый!.. Раз. Грохнуло. Раз Грохнуло. Удар. Удар. Удар. Третья колонна. Миг. Четвертая колонна, Пятая...

В пролом стены вдавился доктор Бакалейников. С минуту ждал смерти от разрыва сердца и глотал раскаленный воздух. Развевал по ветру удостоверение, что он мобилизован в качестве врача «першого полку Сыней дывызии». На случай, если в пустом городе встретится красный первый патруль»⁴.

А как именно был мобилизован петлюровцами врач Булгаков, это происходило, по-видимому, также, как это произошло с доктором Яшвиным в рассказе «Я убил», по возвращении которого из рабочей больницы его дома ждал «в щели пакет неприятного казенного вида... На листке было напечатано машинным синеватым шрифтом: «С одержанием сего...» Кратко, в переводе на русский язык: «С получением сего, предлагается вам в двухчасовой срок явиться в санитарное управление для получения назначения...»⁵.

Удачно убежав от отступающих петлюровцев перед приходом большевиков в феврале 1919 года, потом доктор Булгаков был мобилизован деникинцами и в конце августа покинул Киев. Однако при семимесячной власти большевиков в Киеве доктор Булгаков не был мобилизован. Это, по-видимому, связано с тем, что у него была индульгенция, выданная при советской власти Московским окружным военно-санитарным управлением 19 февраля 1918 г., освобождавшая его по болезни от военной службы, как ратника ополчения 2-го разряда – врача резерва, которую он проходил в больницах Смоленской губернии в качестве земского врача.

А как шла мобилизация врачей при большевиках – сообщают записи дневника врача А.И. Ермоленко: «21 февраля. Опять мобилизация. Сегодня я призывался. Возможно, что для

меня будет льгота как для ассистента Клинического института»⁶.

«29 апреля. Позавчера получил повестку явиться в санотдел Губвоенкома. Пошел, и сразу вручили мне предписание ехать в Москву. Это – назначение по мобилизации». Последняя запись врача А.И. Ермоленко 2 мая: «Ничего нельзя сделать – придется ехать в Москву, <...> Отправка назначена на 5 мая»⁷.

Дневниковые записи врача А.И. Ермоленко о начале мобилизации большевиками совпадают с дневником героя «Необыкновенных приключений доктора», говорящего также о проходившей одновременно мобилизации врачей: «21 февр. Меня уплотнили... 22 февр. ...И мобилизовали»⁸.

Считать же, что авторизованный герой рассказа был действительно мобилизован, это не может служить доказательством мобилизации самого врача Булгакова при большевиках, который оставался в Киеве до прихода деникинцев. Конечно, большевики хотели призвать на службу к себе врача Булгакова, и ему могла прийти повестка явиться в санитарное управление, но, предъявив удостоверение об освобождении от военной службы, выданное Московским окружным военно-санитарным управлением 19 февраля 1918 г., его, по всей вероятности, оставили в покое.

До настоящего времени у биографов писателя М.А. Булгакова все еще нет ясного представления о периоде времени в его жизни с 31(18) августа 1919 г., когда деникинцы заняли Киев и мобилизовали врача Булгакова. А также как он оказался во Владикавказе, где находился до 26 мая 1921 г., после того как в марте 1920 г. белогвардейцы оставили Владикавказ.

Основными источниками сведений о пребывании Булгакова на Северном Кавказе являются интервью-воспоминания Татьяны Николаевны Кисельгоф, первой жены писателя, записанные М.О. Чудаковой, Л.Я. Яновской, Л.К. Паршиным, А.П. Кончаковским, которые потом повторяются во многих публикациях исследователей без серьезного анализа. Хотя по этим сведениям можно составить некоторое представление о появлении доктора Булгакова в рядах белогвардейских Вооруженных сил Юга России, но они не проясняют главного, когда, в какое время врач Булгаков был втянут в вихрь Гражданской войны и почему он оказался в стане белогвардейцев.

Вот это остается еще не до конца выясненным в биографии писателя. К тому же возникло немало путаницы вокруг того, как врач Булгаков очутился на Северном Кавказе и где он служил военным врачом, чему немало способствовала «документальная» повесть Д. Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека».

В неизвестность того, когда деникинцы мобилизовали врача Булгакова в наше время может быть внесена ясность, позволяющая понять почему мобилизованного врача они не оставили в Киеве, и он оказался не по своей воле на Северном Кавказе.

Сегодня, принимая во внимание мемуары зятя Булгакова Леонида Сергеевича Карума, можно установить точно время, когда врач Булгаков покинул Киев. Как утверждает Карум, его шурин выехал из Киева во Владикавказ одновременно с ним в самом начале сентября. Дело в том, что Карум появился в Киеве по его свидетельству 25 августа, а вернулся обратно в Феодосию вместе с женой 4 сентября 1919 г. (старый стиль). Это обстоятельство позволяет определить время, когда Булгаков был призван в белогвардейскую армию и направлен на Северный Кавказ. Если супруги Карум приехали в Феодосию 4 сентября 1919 г., то можно считать, что из Киева они выехали 2 или 3 сентября (в зависимости от времени суток).

Хвастливое утверждение Карума, что «с ними же выехал и Михаил Булгаков, получивший назначение на должность врача во Владикавказский военный госпиталь»⁹, говорит о том, что доктор Булгаков мог выехать 31 августа или 1 сентября, т.е. в это же самое время, но не вместе с ним. Отъезд из Киева в это время подтверждается и самим Булгаковым. На допросе в ОГПУ 22 сентября 1926 г., он говорил, что до конца августа 1919 г. (старый стиль) находился в Киеве.

Полковник Карум приехал в Киев из Феодосии 25 августа, где отсиживался, скрываясь от петлюровцев и большевиков. И вот как только Киев оказался занят Добровольческой армией Деникина, там появляется белогвардейский полковник Карум, и в это время деникинцы сразу забирают Булгакова к себе на службу. Не странно ли, что во время недельного пребывания Карума в Киеве практикующего врача Булгакова мобилизуют в ряды белогвардейцев для службы по медицинской части. И без всякого раздумья

и времени на сборы, не говоря уже об отсрочке для прохождения комиссии о состоянии здоровья, его в спешном порядке направляют на Северный Кавказ, хотя могли оставить при себе в Киеве.

После отъезда Булгакова газета «Киевское эхо» 13(26) сентября 1919 г. сообщала: «Регистрация офицеров, чиновников и врачей у Киевской комендатуры (Владимирская, 45) продолжается... Ежедневно записывается не менее тысячи человек...».

В этой связи вызывает большое сомнение, что доктор Булгаков один из первых пришел на регистрацию, изъявляя горячее желание служить у белогвардейцев. И естественно возникает вопрос, почему врач Булгаков одним из первых был мобилизован белогвардейцами и в спешном порядке отправлен подальше от дома к величественным горам беспокойного Кавказа, хотя его могли оставить служить в Киеве.

Это выглядит довольно странно и наводит на размышления, что вряд ли без посторонней помощи, чьей-то явной наводки, новая власть могла так быстро – в десятый день своего существования – мобилизовать практикующего врача венеролога, а не кого другого, и отправить его к месту службы подальше от дома.

О скоротечной мобилизации доктора Булгакова при деникинцах известно из воспоминаний его жены Татьяны Николаевны, приводимые в литературной записи М.О. Чудаковой: «...осенью 1919 г. пришла повестка от белых, – он нигде не служил, занимался практикой. Он пошел отмечаться, и его мобилизовали. Дали френч, шинель и отправили во Владикавказ. Я его провозжала. В Киеве я жила без него недолго, меньше месяца... Получила от него телеграмму – из Владикавказа, и поехала. <...> Он был врачом в госпитале – общим. И очень скоро Михаила отправили в Грозный – одного, без госпиталя. Я поехала с ним»¹⁰. Об этом же Татьяна Николаевна рассказывала Леониду Паршину: «...как белые пришли в 1919-м, так Михаилу бумажка пришла куда-то там явиться. Он пошел, и дали ему назначение на Кавказ».

Бумажку киевской комендатуры, мобилизационный листок, доктор Булгаков получил сразу, как только пришли белые в августе 1919 г.. Эта неожиданная бумажка-повестка, направленная по адресу практикующего врача-венеролога,

могла появиться только с подачи человека, знающего все о докторе Булгакове. Где он живет, чем занимается, и что у него была до этого хорошая врачебная практика в госпиталях Юго-Западного фронта и в больницах Смоленской губернии. Таким человеком мог быть только хорошо знавший Булгакова близкий родственник, вдруг появившийся в Киеве – полковник Карум.

Сам практикующий врач Булгаков не собирался быть добровольцем, а мечтал печататься в это время, утверждала его жена Татьяна Николаевна.

Убежавший в декабре 1918 г. от петлюровцев военный юрист Карум, отсиживаясь в Феодосии, жил восемь месяцев в разлуке с любимой женой Варюшечкой и тосковал по ее любви. В этой связи у недоброжелательного немца-прибалта с армейскими замашками могло появиться соображение безнравственного порядка: устроить своему нелюбимому шурина такую же незавидную участь – разлучить его с женой, чтобы почувствовал, каково быть без любимой женщины. Пускай помыкается без заботливой жены, как я, хлебнет житейских невзгод, так недолго думая рассуждал, видимо, полковник Карум.

Исходя из побуждений мужской зависти и армейского эгоизма, белогвардейский полковник Карум, используя свой военный авторитет, мог сообщить в киевскую военную комендатуру денкинцев о докторе Булгакове, который может быть полезен в армии как врач, тем более в военное время, когда в воинских госпиталях нужны врачи.

Поэтому досадной причиной, вынудившей доктора Булгакова оказаться в рядах белогвардейцев, могла стать медвежья услуга зятя Булгакова полковника Карума, который с неприязнью относился к нему. Известно, что они друг друга недолго любили, отношения у них были натянутые, даже враждебные, Каруму не нравился свободный беспечный образ жизни Булгакова. Он определенно мог вмешаться в судьбу своего родственника, решив насолить практикующему врачу, спокойно живущему и занимающемуся своим профессиональным делом.

Но непорядочный человек, преподаватель военного училища юрист Карум., проникнутый духом карьеризма, не нюхавший пороха и не видевший проливающейся крови, не знал, ему было невдомек, что жена доктора Булгакова решила для себя «быть там, где Миша». Прожив

недолго без мужа, меньше месяца после его отъезда, Татьяна Николаевна получила от Булгакова телеграмму из Владикавказа и поехала к нему.

Подтверждением такой циничной акции со стороны полковника Карума в отношении близкого родственника, определившей врача Булгакова на службу к белогвардейцам, служит бросающееся в глаза открытое неуважительное отношение писателя к фигуре своего зятя, что не осталась без последствий для него.

Известно, что прототипом антипатичного персонажа капитана Сергея Ивановича Тальберга в романе «Белая гвардия» послужил белогвардейский офицер Л.С. Карум, за которым замужем была сестра писателя Варвара Афанасьевна.

Создание образа тщеславного, нечистоплотного человека, совершающего непристойное деяние, такой намеренный подход к литературному персонажу, бесспорно, был чем-то обусловлен, а не просто так показан нехороший человек. В персонаже капитане Тальберге нашло явное изображение зятя Булгакова со всеми его характерными чертами. Правдивый до деталей и потому сразу узнаваемый литературный образ капитана Тальберга, названный одиозной киевской фамилией, вызвал резкую реакцию в семье Карумов.

Цели своей, можно сказать, писатель Булгаков достиг, что подтверждает негодующее письмо его сестры Варвары Афанасьевны: «Какое ты имел право так отзываться о моем муже?.. Ты вперед на себя посмотри. Ты мне не брат после этого»¹¹. Действительно, капитан Тальберг, лишенный человеческих чувств, это не просто литературный персонаж, прообразом которого послужил полковник Карум. На самом деле это нарочито выписанный, абсолютно похожий на Карума его живой портрет, рассчитанный на узнавание не только родственниками, но и более широким кругом знакомых, чтобы у них сложилось представление о негодяе с подленькой душой, на что у автора романа были для этого основания.

С болящей, бередящей раной жил всю жизнь Леонид Сергеевич Карум, выставленный на всеобщее обозрение немцем Тальбергом, представляющий образ безнравственного, нечистоплотного гетманского офицера, сбежавшего со своими сородичами, который естественно не мог нравиться никому.

Бывший белогвардейский офицер Л.С. Карум, сменивший золотистые погоны на петлицы красного командира, затем, переоблачившись, прикрылся личиной преподавателя немецкого языка в Новосибирске, с лютой ненавистью смотрел на своего шурина, и после смерти писателя Булгакова всячески старается опорочить его. В своих мемуарах «Моя жизнь. Рассказ без вранья» Л.С. Карум не без злого умысла утверждает, что Булгаков пошел служить к белым по доброй воле, пытаясь тем самым замести следы своего черного дела – участия в белогвардейской мобилизации своего шурина.

О времени прихода добровольцев в Киев при Булгакове, Карум, искажая факты, пишет: «Работа венерического врача шла успешно, Только в последний месяц, когда большевики объявили поголовную мобилизацию, Булгаков проживал где-то в «нетрях» на даче под Киевом, Этим он избежал мобилизации. С появлением добровольцев он опять появился в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу»¹².

В порыве мщения Карум, прибегая ко лжи, старается внушить читателям, что Булгаков сам пошел добровольцем на службу к белым. Этим самым Карум, подленькая душа которого не испытывала мук угрызения совести, а источала только одну лютую злобу к своему шурина за обидный образ капитана Тальберга, в котором узнал себя, тщится представить дело так, что он не имел никакого отношения к мобилизации белогвардейцами доктора Булгакова.

Но в действительности, своим враньем лицемер Карум невольно проговаривается, сам не понимая того, выдает свою причастность к судьбе Булгакова при деникинцах, в деле которого он играл роль первой скрипки по приобщению своего шурина к белому движению. Гнусная сентенция Карума, что Булгаков намеривался поехать на Кавказ, где хотел поступить на военную службу, звучит как вынужденное оправдание своего мерзкого поступка, содеянного им в отношении своего мирного родственника – практикующего врача.

Из захваченного деникинцами Киева, по предписанию киевской военной комендатуры врача Булгакова направили в Ростов-на-Дону – центр Вооруженных сил Юга России, где про-

исходило распределение мобилизованных и добровольцев по белогвардейским частям. И в Ростове-на-Дону мобилизованный доктор Булгаков получает назначение в распоряжение правительства белых на Северном Кавказе. При этом ему, как военному специалисту, должны были выдать денежный и продовольственный аттестаты, прогонные и суточные деньги.

В январе – феврале 1919 г. Северный Кавказ был занят Добровольческой армией Деникина. Для управления краем была учреждена должность «Главначальствующего командующего войсками Терско-Дагестанского края», которую с апреля 1919 г. занимал генерал от кавалерии И.Г. Эрдели. Эта высшая гражданская и военная власть в крае подчинялась Главнокомандующему ВСЮР.

Территорию края составляли области Терского войска и Дагестана и четыре горских округа: Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня – и выделенные в особые административные единицы Владикавказское и Грозненское градоначальства и Минераловодческий район. При этом Терская область управлялась двумя властями: Главначальствующий генерал-лейтенант И. Г. Эрдели исполнял власть на основании Положения о Терско-Дагестанском крае, а атаман Терского войска генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко опирался на терскую конституцию. В связи с этим возникали бесконечные разногласия между терским войсковым правительством и белогвардейским командованием на Северном Кавказе, штабы и административные службы которых находились в Пятигорске.

Вот почему мобилизованный врач Булгаков должен был прибыть в Пятигорск, где находилось правительство белых и штаб Главнокомандующего войсками Северного Кавказа. И здесь командированный врач, как положено, был включен в список личного состава по медицинской части и его направили во владикавказский госпиталь. Этот армейский порядок не учитывается биографами писателя, когда говорится, что врач Булгаков был мобилизован и направлен сразу из Киева во Владикавказ.

С одной и той же рекой Терек, отделяющей казаков от горцев, было связано пребывание на Кавказе в молодости Льва Толстого и Михаила Булгакова. Северный Кавказ для Булгакова стал прологом приобретения журналистского опыта,

первых газетных публикаций и сценических постановок. Особенность творчества Булгакова состоит в том, что оно связано с автобиографичностью писателя, проявляемой довольно заметно в его прозе.

Так первый московский рассказ «Необыкновенные приключения доктора» является литературным свидетельством появления и участия мобилизованного врача Булгакова в военных действиях на Северном Кавказе в ходе Гражданской войны. В этом автобиографическом рассказе как раз и описан начальный период жизни врача Булгакова под видом военного доктора N, литературный образ которого воспринимается, как будто это происходило с самим автором этого повествования. По свежим воспоминаниям событий Гражданской войны Булгаков рассказывает о своих странствиях и душевных терзаниях, представляя их как необыкновенные приключения своего нахождения на Северном Кавказе.

В рассказе «Необыкновенные приключения доктора» автобиографичность повествования дает о себе знать на каждой странице, что позволяет прийти к пониманию означенной безтекстовой V главки и кратких телеграфных записей главок VI и VII с их шифрующим многоточием утаивающего содержания биографической недосказанности.

Сегодня, обращаясь к событиям того времени, можно считать, что в соответствии с исторической действительностью и логикой повествования предметом содержания пустой пятой главки могло быть описание или упоминание нелицеприятных событий, связанных со сменой власти большевиков в Киеве белогвардейцами, занявшими город в конце августа 1919 г. (новый стиль). Писать об этом прямо в советское время было, мягко говоря, опрометчиво. Поэтому автору пришлось прибегнуть к нередко применяемому в таких случаях многоточию, литературному приему, скрывающему правдивое нелицеприятное изложение реальных событий, о которых лучше не следовало бы упоминать в художественном произведении.

Частая же смена власти в рассказе передается художественным образом – стрельбой из пушек. «Из пушек стреляли под утро...» – этой фразой заканчивается четвертая главка, говорящая о подходе к городу другой власти на смену большевистской. Этот образный момент смены

одной власти другой и последовавшие за этим события намекают на закамуфлированное содержание пятой безтекстовой главки.

В шестой безымянной главке рассказа, состоящей всего лишь из одной трехсловной фразы: «артиллерийская подготовка и сапоги», Здесь Булгаков тонко намекает на очередную перемену власти в городе и свою мобилизацию денкинцами. С позиций военных представлений сапоги – это образная символика, означающая, что доктора N белогвардейцы призывают под свои знамена, дают военное обмундирование и ему предстоит дальняя дорога к месту службы.

И в следующей седьмой тоже безымянной главке автор лаконично констатирует: «Кончено. Меня увозят... Из пушек... и...». Да, конечно, все было кончено для доктора N и повествователя автобиографического рассказа. Его мобилизованного, как и доктора N, увозят подальше от родного дома, туда, где стреляют и сражаются. И уже в следующей восьмой главке с названием «Ханкальское ущелье» автор вместе с автобиографическим доктором оказывается среди синеватой дымки гор, которые наворотил грозный бог. Так иносказательно, автор бессвязными лаконичными записями о докторе N, явно повествует о своей судьбе, совершенной над ним принудительной мобилизации, к которой приложил руку не чужой для него, но оказавшейся хуже чужого, зять Леонид Карум.

Военные реалии того времени в рассказе представляет картина боя в Ханкальском ущелье, где батареи белых бьют шрапнелью по Узуну. «Чеченцы как черти дерутся с «белыми чертями». У речонки, на берегу которой валяется разбухший труп лошади, на двуколке треплется краснокрестный флаг. Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках»¹³.

О пребывании Булгакова на Северном Кавказе писал Д. Гиреев в повести «Михаил Булгаков на берегах Терека», которая требует очень осторожного обращения, ее нельзя воспринимать буквально, как свидетельство всего происходившего с доктором Булгаковым. В книге много надуманного, не связанного подходящим образом с реальными фактами.

Так художественное описание сценки с сидящим у костра казачком Терского 3 го конного, который философски рассуждает: бывало, «заско-

чут с хлангу», по-видимому, было прочитано Д. Гиреевым буквально. И название конного полка «терский» было воспринято им как реально существовавший 3-й казачий полк, и, не долго думая, он зачислил в него автора «Необыкновенных приключений доктора». С подачи Гиреева это стало общеупотребительным местом многих публикаций, о чем продолжают вводить в заблуждение ряд работ и сайт Интернета.

В наше время литературовед Е.А. Яблоков в комментариях к рассказу «Необыкновенные приключения доктора» причисляет врача Булгакова к другому полку в отличие от Гиреева. Ссылаясь на очерк Александра Тина «Огнем и мечом» в газете «Грозный» (17/30 октября 1919 г.), в котором говорится, что в боях за Чечен-аул «особенно отличился в этих боях Александрийский гусарский полк, лихой атакой сбивший противника и прогнавший его за аул», Яблоков неправомерно утверждает, что «именно в Александрийском полку служил врачом М. Булгаков»¹⁴, как и Интернет-Википедия в Александрийском полку «черных гусар», приданным для усиления терских казаков, военврач Булгаков не мог служить, так как должности такой не было в казачьих полках, а была должность фельдшера. Находился же врач Булгаков в подчинении начальника военного госпиталя Владикавказа, который направил его в район боевых действий под Грозным в перевязочный отряд.

К событиям Гражданской войны, описанным в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», примыкает другое литературное произведение Булгакова «Записки на манжетах», продолжающее приключения автобиографического героя во Владикавказе. Свое повествование в «Записках на манжетах» автор начинает с последних дней пребывания белых во Владикавказе перед их отступлением, которое он называет катастрофой: «Стойте! – завопил я, опомнившись – Стойте! Какое Credito? Finita?! Что? Катастрофа?!»¹⁵.

Приближающаяся катастрофа была вызвана тем, что в это время началось наступление Красной армии на Кавказском фронте, которым командовал М.Н. Тухачевский и член РВС Г.К. Орджоникидзе. Во время Егорлыкской операции (14 февраля – 2 марта 1920 г.) в районе Среднего Егорлыка 25 – 27 февраля произошло самое крупное за всю Гражданскую войну встречное

конное сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 25 тысяч сабель. В ходе этой битвы белая конница – главная сила деникинской армии – была разбита, и наступление большевиков стало развиваться в двух направлениях: на Новороссийск и на Владикавказ – Грозный.

О времени отступления добровольцев с Северного Кавказа сообщала 26 февраля (9 марта) 1920 г. владикавказская газета «Кавказ». Под заголовком «Разгрузка Пятигорска» она писала: «Пятигорск. 25/2. В связи с отъездом из Пятигорска многих частей и учреждений, город заметно опустел. Вся власть теперь перешла к Военному правительству и к его представителям». Заметка эта говорит, что в двадцатых числах февраля 1920 г. стали отходить военные части и эвакуироваться учреждения белых на Северном Кавказе. И вся гражданская и военная власть перешла к Терскому войсковому правительству, которое издавало в Пятигорске войсковую газету Терского казачьего войска «Терец».

А перед этим в Сибири произошли небезызвестные события: разгром Колчака, его арест и расстрел 7 февраля 1920 г. Такое событие, современником которого был белогвардейский врач-журналист Булгаков, не могло не оставить след в памяти начинающего владикавказского журналиста.

В романе «Белая гвардия», основном произведении писателя о Гражданской войне, о событиях происходивших на Украине, особый интерес вызывает персонаж со странной фамилией полковник Най Турс, которая выделяется среди других своим иностранным звучанием, и при этом, казалось бы, не имеет прототипа как другие действующие лица в романе, оставаясь собирательным образом.

Однако прихрамывающий белогвардейский полковник с загадочной фамилией Най Турс, прообразом которого считается мог послужить генерал от кавалерии граф Ф.А. Келлер, своими решительными действиями и судьбой больше походит на адмирала А.В. Колчака, главную фигуру белого движения. Колчак в ноябре 1918 г. захватил власть в Омске и провозгласил себя Верховным правителем российского государства, став главнокомандующим всеми белогвардейскими вооруженными силами в России.

Подобно решительным действиям адмирала Колчака в Сибири, полковник Най Турс быстро

формирует отряд юнкеров в сто пятьдесят человек на три дня раньше, как было приказано. Одевает их по-зимнему – в валенки и папахи – и сразу выступает с ними для отражения наступления петлюровцев.

Зимняя одежда – валенки, предназначенные для использования их в соответствующих климатических условиях, являют собой художественный образ суровой сибирской зимы с трескучими морозами. И в данном случае они предстают как символика холодного сибирского края, намекая, таким образом, на белогвардейские формирования Колчака и события, там происходившие.

Столица Сибири город Иркутск, где разыгралась трагедия расставания с жизнью адмирала Колчака, принявшего с достоинством смертельный вердикт большевиков, этот город Булгаков использует в своих романах как маркер, олицетворяющий фигуру руководителя белого движения.

Исторически сложившаяся неразрывная судьбоносная связь Колчака с городом Иркутск имеет к тому же некую общность в их наименовании, содержащая по две буквы «к». Если исключить эту букву из названия города Иркутск (проделав своеобразную дифференциацию названия города по букве «к»), то из оставшихся буквенных знаков, первым складывается стыдливое слово «трус», которое простой перестановкой второй и третьей буквы в этом слове приводит к таинственно звучащему слову «турс».

Это позволяет прийти к пониманию появления загадочной второй части фамилии Най-Турс. Что касается первой части составной фамилии полковника Най-Турса, то по созвучию она напоминает маршала Франции Нея, участника наполеоновских войн, ставшего князем Московским после занятия Москвы французами. Эта французская фамилия Ней вполне подходит для образования названия первой части фамилии Най Турс, как по фонетическому созвучию, так и в смысловом отношении по своей военной принадлежности.

И при этом автор романа делает своеобразный намек читателю, акцентируя его внимание на особенной фамилии полковника Най Турса, когда унтер-офицер Николай Турбин увековечивает память своего командира, погибшего в бою с петлюровцами. Он вырезает перочинным но-

жиком на двери своей комнаты большой крест и изломанную надпись под ним: «п. Турс. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня». Вырезанная не полностью, а только вторая часть фамилии белогвардейского полковника, как ключевая ее основа – «Турс», таящая в себе неразгаданное значение, шифрующим образом подразумевает белогвардейца номер один – адмирала Колчака.

Таким камуфлирующим образом у писателя появляется номинация отважного, решительно действующего белогвардейского полковника Най-Турса, воинственный образ которого подразумевает предводителя белого движения адмирала Колчака. И хотя о явном участии Колчака в событиях романа говорить не приходится, но белогвардейский дух верности воинскому долгу там присутствует.

Название романа и сама логика военного времени подразумевают военное происхождение номинации одного из основных белогвардейских персонажей. Смелый, мужественный командир отряда юнкеров, показан в романе единственным участвующим в боевых действиях против петлюровцев. Тем самым он становится главной действующей фигурой среди других белогвардейцев, действуя так, как действовал Колчак в Сибири.

Об этом можно говорить сегодня, поняв глубоко скрытый, зашифрованный подтекст романа с несамочевидным белогвардейским названием.

Когда в Москве вышел первый номер газеты железнодорожников и водников «Гудок», будущий сотрудник этой газеты Михаил Булгаков находился во Владикавказе. В это время 6 мая 1920 г. поляки занимают Киев – родной город Булгакова. И первый номер газеты «Гудок» 11 мая 1920 г. начал свои публикации с анонса «Польские белогвардейцы еще наступают. К оружию и к неустанному труду, товарищи!..» А четырнадцатый номер «Гудка» 27 мая извещал о том, что англичане покидают Крым. И за уходом англичан из Крыма последовало контрнаступление войск Юго-Западного фронта (командующий А.И. Егоров, члены РВС И.В. Сталин, Р.И. Берзин). В ходе Киевской операции 26 мая – 16 июня 1920 г. армия Буденного во взаимодействии с другими конными армиями нанесли поражение польским войскам и петлюровцам, и 12 июня освободили Киев. С этого времени в Киеве надолго установилась Советская власть.

Об этом времени писатель рассказал в очерке «Киев-город», написанном после посещения Киева в апреле-мае 1923 г., совершая экскурс в область истории прекрасного города, когда легендарные киевские времена оборвались, и внезапно, и грозно наступила история. «Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 часов утра 2-го марта 1917 г., когда в Киев пришла телеграмма...», сообщавшая об отречении императора Николая II. «И началось, и продолжалось в течение четырех лет. Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается. <...> ...в течение 1000 дней гремело, и клочкотало, и полыхало пламенем не только в самом Киеве, но и в его пригородах, и в дачных его местах окружности на 20 верст радиусом»¹⁶.

Киевляне считали, что в городе у них было 18 переворотов. «Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил», – рассказывает автор очерка.

Илья Эренбург, родившийся в Киеве в один год с Булгаковым, проживал там с осени 1918 г. по ноябрь 1919-го, когда там находился практикующий врач Булгаков. Вспоминая об этом времени, Эренбург пишет в «Людах, годы, жизнь», что в то время «никто не знал, кто кого завтра будет расстреливать, чьи портреты вывешивать, а чьи прятать, какие деньги брать, а какие постараться вручить простофилю».

Об этих событиях ярко показано в киевском очерке с рядом исторических подробностей: «... немцы, железные немцы в тазах на головах, явились в Киев с фельдмаршалом Эйхгорном и великолепными туго завязанными обозными фурами. Уехали они без фельдмаршала и без фур, и даже без пулеметов. Все отняли у них разъяренные крестьяне». Знаменитый же бухгалтер, Семен Васильевич Петлюра – «четыре раза являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли». А «самыми последними, под занавес, приехали зачем-то польские паны (явление XIV-ое) с французскими дальнобойными пушками. Полтора месяца они гуляли по Киеву. <...>

На переломе второго месяца среди совершенно безоблачного неба советская конница грубо и буденно заехала куда-то, куда не нужно, и паны в течение нескольких часов оставили заколдованный город. Но тут следует сделать ма-

ленькую оговорку, – замечает автор. – Все, кто раньше делали визит в Киев, уходили из него по-хорошему, ограничиваясь относительно безвредной шестидюймовой стрельбой по Киеву со святошинских позиций. Наши же европеизированные кузены вздумали щегольнуть своими подрывными средствами и разбили три моста через Днепр, причем Цепной – вдребезги. <...> А. поляки, поляки... Ай, яй, яй!..»¹⁷, – сокрушался Булгаков по цивилизованным соседям.

Поведав ужасы первой мировой войны, с которыми пришлось воочию столкнуться молодому доктору во фронтовых госпиталях и в ходе Гражданской войны, естественно могло возникнуть отвращение к мерзостям военного времени и желание заняться делом творческим. Не удивительно, что потребность писать, сочинять у Булгакова взяла вверх над врачебной практикой. Недолгий врачебный путь доктора Булгакова закончился сменой трудового настроения медика стремлением заняться литературным сочинительством.

В ноябре 1919 г. военврач Булгаков, получил контузию во время похода за Шали-Аул. Это могло послужить причиной освобождения Булгакова от воинской службы, как считают некоторые исследователи, что позволило ему устроиться сотрудником новой владикавказской газеты «Кавказ».

О своем врачебном прошлом писатель упоминал в своих автобиографиях. В первой краткой автобиографии в 1924 г. Булгаков написал: «В начале 1920 г. я бросил звание с отличием и писал», что определенно связано с изменением служебного положения военного врача Булгакова в начале февраля, когда он был включен в число сотрудников новой газеты «Кавказ». Первый номер ежедневной беспартийной, политической и литературно-общественной газеты вышел во Владикавказе 15(28) февраля 1920 г.

В то время когда началась Егорлыкская операция сотрудник владикавказской газеты «Кавказ» Булгаков заболевает тифом. Прикованный к постели он не смог уйти вместе с белыми, а после выздоровления в городе была уже советская власть, которая установилась после освобождения Владикавказа 22 марта. Потом Булгаков нередко укорял Татьяну Николаевну: «Ты – слабая женщина, не могла меня вывезти!»

В мыслях начинающего литератора, несомненно, присутствовало большое желание ока-

заться за границей. В Батуме Булгаков поделился своей думой о загранице с Татьяной Николаевной: «Знаешь, может, мне удастся уехать...». Об этом она рассказывала М.О. Чудаковой, что Булгаков вроде бы «вел с кем-то переговоры, хотел, чтобы его спрятали в трюме, что ли...». Потом вспоминала Татьяна Николаевна: «Михаил сказал, чтоб я ехала в Москву и ждала от него известий. «Где бы я ни оказался, я тебя вызову, как всегда вызывал»¹⁸.

Настойчивые думы отправится за границу, не покидали Булгакова до начала осени 1921 г., когда, в конце концов, он решил все же остаться в советской стране. Это потом нашло отражение в «Записках на манжетах», где автор назвал

одну из глав записок согласно подобающему ему настроению – «Бежать. Бежать!» И наметил маршрут своего предполагаемого, но несостоявшегося бегства за границу «...Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед. К морю. Через море и море, и Францию – сушу – в Париж!»¹⁹ В Париж, к братьям, к Мольеру – вот куда влекло начинающего драматурга.

Трудные годы Гражданской войны, разрухи, болезни и голода Булгаков пережил с Татьяной Николаевной, которая ухаживала за больным тифом, выходила его и сохранила нам творческого человека, ставшего известным писателем. Это ее неоценимая заслуга, любящей, сердобольной женщины.

---

¹ Чудакова М.О. *Жизнеописание Михаила Булгакова*. М., 1988. С. 95.

² Там же. С.101.

³ Рупор. 1922. Вып. 2, май. С. 10.

⁴ Накануне № 207. 1922, 10 декабря. Литературное приложение № 30. С. 6.

⁵ Булгаков М.А. *Собр. соч.: В 8 тт. Т. 2. Собачье сердце*. М., 2004. С.504.

⁶ Чудакова М.О. *Жизнеописание Михаила Булгакова*. М., 1988. С. 107.

⁷ Там же. С.108.

⁸ Рупор. 1922. Вып. 2, май. С.10.

⁹ Мягков Б. *Родословия Михаила Булгаков*. М., 2003. С. 264-265.

¹⁰ *Воспоминание о Михаиле Булгакове*. М., 1988. С.118.

¹¹ Мягков Б. *Родословия Михаила Булгаков*. М., 2003. С.12.

¹² *Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях*. Киев, 2006. С.37.

¹³ Рупор. 1922. Вып. 2, май. С.11.

¹⁴ Булгаков М.А. *Собр. соч. в 8 т. Т.1*. М., 2011. С. 685.

¹⁵ Булгаков М.А. *Собр. соч.: В 8 тт. Т. 1. Дьяволиада*. М., 2004. С.122.

¹⁶ Накануне № 377. 1923, 6 июля. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 2.

¹⁸ *Воспоминание о Михаиле Булгакове*. М., 1988. С.121.

¹⁹ Булгаков М.А. *Собр. соч.: В 8 тт. Т. 1. Дьяволиада*. М., 2004. С.138.

